

— Помню, помню, — Гуань Яо не смог сдержать смеха. — Где ты его в итоге нашёл?

Сун Юй с сожалением покачал головой.

— Прошло уже слишком много времени.

— Эх, я искал его вдоль реки до самого храма, и только там обнаружил, что он уплыл в другую сторону, — Чжу Цзяньцин, увлётшись, несколько раз хлопнул Сун Юя по плечу.

Трое смеялись и болтали, а Сяо Кань не мог вставить ни слова.

К концу разговора они решили, что просто разговаривать недостаточно, и начали пить вино в середине дня.

Под воздействием алкоголя и искренних разговоров Сяо Кань почувствовал, что его присутствие мешает, и, извинившись, ушёл, сказав, что пойдёт помогать в лагере. Сун Юй даже не взглянул на него.

Сяо Кань был в глубокой печали и хотел найти Лю Чжицзе, чтобы развеяться, но сначала встретил Чжао Линьцзяна.

— О, Цзинъюнь, куда это ты направляешься? — Чжао Линьцзян, судя по всему, только что вернулся сбора трав.

Сяо Кань выглядел подавленным.

— Никуда, просто гуляю.

— В это время третьему господину позволено гулять? — Чжао Линьцзян с улыбкой поддразнил его.

Сяо Кань, раздражённый таким тоном, внезапно почувствовал злобу и намеренно сказал:

— Дядя Яо привёз старого друга, и они сейчас пьют в Покоях Цинъюань. Мне стало шумно, и я ушёл.

Выражение лица Чжао Линьцзяна не изменилось, он выглядел совершенно безразличным.

— Это вполне понятно.

— Да, конечно, они смеются и болтают, сидят так близко, будто им не жарко, хотя уже сезон Манчжуна. — Сяо Кань покачал головой, притворяясь наивным.

Чжао Линьцзян тоже улыбнулся, но ничего не сказал.

Сяо Кань подумал, что у того нет никаких мыслей на этот счёт, и уже собирался уйти, но Чжао Линьцзян остановил его.

— Линьцзян, что случилось? — спросил Сяо Кань.

— Ты говорил, что это старый друг. Это мужчина или женщина?

— Мужчина, — Сяо Кань почесал нос и добавил:

— Красивый, как Пань Ань.

В глазах Чжао Линьцзяна мелькнула настороженность, и Сяо Кань это заметил.

Раз уж он сам не мог понять, есть ли у Чжу Цзяньцина интерес к Сун Юю или к Гуань Яо, то, возможно, привлечение Чжао Линьцзяна поможет прояснить ситуацию.

— Правда? Тогда я бы тоже хотел его увидеть, — Чжао Линьцзян сказал это очень легко.

Сяо Кань покачал головой.

— Изначально дядя Яо предложил ему остановиться в бамбуковой хижине, но учитель Сун Юй решил, что это неудобно, и пригласил его в Покои Цинъюань. Если хочешь увидеть, приходи ко мне.

— Жаль, бамбуковая хижина была бы ближе ко мне, — Чжао Линьцзян с сожалением вздохнул.

— Ладно, я с ним не знаком, лучше оставить эту затею.

Когда Чжао Линьцзян уже собирался уйти, Сяо Кань остановил его.

Он сглотнул, чувствуя неловкость, и спросил:

— В прошлый раз Шао Ю просил у тебя два лекарства, я видел, они были хорошими. Учитель Сун Юй разрешил мне спросить, где их можно достать.

Чжао Линьцзян сначала насторожился, но потом ответил щедро:

— У меня ещё есть остатки. А зачем они третьему господину?

Как говорится, одна ложь влечёт за собой другую.

— Учитель сегодня учит меня новому методу, который требует полного сосредоточения, и я подумал...

— У тебя сейчас есть время? Я могу дать тебе их сейчас, — предложил Чжао Линьцзян.

— Правда? Можно?

— Конечно.

Сяо Кань пошёл с Чжао Линьцзяном в медицинский кабинет, и тот щедро дал ему по три штуки каждого лекарства.

Сяо Кань чувствовал себя виноватым за свою ложь и несколько раз поблагодарил его.

После этого он отправился искать Лю Чжицзе, а к вечеру вернулся, чтобы приготовить ужин.

К несчастью, когда он решил срезать путь через Восточный лагерь и сливовую рощу, он сначала услышал звук флейты, а затем увидел двух людей.

Даже издалека было видно, что это были Сун Юй и Чжу Цзяньцин, сидящие рядом на огромном камне. Чжу Цзяньцин играл на флейте, и звуки были чистыми и далёкими.

Сердце Сяо Каня сжалось, и он понял, что надеяться на вмешательство Чжао Линьцзяна

бесполезно. Чжу Цзяньцин явно был здесь ради Сун Юя.

Звуки флейты вскоре прекратились, и Чжу Цзяньцин опустил её.

Затем Сун Юй что-то сказал, и Чжу Цзяньцин дотронулся до его левого уха.

— Чунцзинь, это ведь не та серёжка, что была у тебя раньше? — Чжу Цзяньцин коснулся его уха.

Сун Юй кивнул.

— Та была моим единственным талисманом, я не могу носить её всегда.

— Если ты не хочешь искать свои корни, то это просто воспоминание, — Чжу Цзяньцин поиграл с флейтой.

Сун Юй смотрел вперёд.

— Прошло слишком много времени, искать уже поздно. В горах всё хорошо, зачем искать трудности?

— Это не так уж сложно, всего два месяца пути. Если ты захочешь, я и Западный павильон с радостью поедем с тобой, — Чжу Цзяньцин поправил одежду на камне.

Сун Юй вздохнул.

— Если бы старший брат был жив, я бы, возможно, решился. Но сейчас слишком много дел, и я не хочу этим заниматься.

— Но в лагере всё спокойно, ты можешь оставить всё Западному павильону. Я поеду с тобой, как насчёт этого? — Чжу Цзяньцин искренне спросил.

Сун Юй сразу же отказался.

— Даже если так, Цзинъюнь не может остаться без меня.

Чжу Цзяньцин рассмеялся.

— Цзинъюнь уже взрослый, а не трёхлетний ребёнок. Я вижу, он хорошо управляет Покоями Цинъюань и унаследовал кулинарные навыки старшего брата Сяо Цяня. Чунцзинь, ты слишком много думаешь.

Сун Юй явно задумался. За последние годы он учил Сяо Каня читать, писать и тренироваться, но в остальном полагался на его заботу и управление.

— Об этом поговорим позже, — Сун Юй чувствовал тревогу и тепло одновременно.

Чжу Цзяньцин подумал, что он всё ещё сомневается.

— Если это не вариант, может, взять Цзинъюня с собой?

Это было ещё менее возможно. Сун Юй сейчас только и делал, что избегал его.

— Поговорим об этом позже, не будем обсуждать это сейчас, — Сун Юй кашлянул. — Где

сейчас Цзинцю?

Услышав это имя, Чжу Цзяньцин повеселел.

— Эта девочка совсем не считает меня отцом. Уехала в горы Суншань к моему отцу, говорит, что хочет стать монахиней.

— Дети такие, — в сердце Сун Юя возник образ маленькой девочки, и он тоже улыбнулся.

— Ничего не поделаешь, ей бы мать нужна была, — Чжу Цзяньцин с виной улыбнулся.

Сун Юй не нашёл слов утешения и лишь легонько похлопал его по спине.

— Учитель!

— Дядя Чжу!

Сяо Кань не смог сдержаться и крикнул им издалека.

Они обернулись и увидели, как Сяо Кань бежит к ним. Спокойствие на лице Сун Юя тут же исчезло.

— Цзинъюнь?

Чжу Цзяньцин спрыгнул с камня и протянул руку. Сун Юй немного подумал, а затем, взяв его руку, тоже спрыгнул.

— Учитель, дядя Чжу, — Сяо Кань перевёл взгляд с их рук на лица.

Чжу Цзяньцин смахнул пыль с одежды.

— Цзинъюнь, что случилось?

Сяо Кань ещё не придумал, что сказать, и, решившись, просто произнёс:

— Дядя Чжу, я хочу поговорить с тобой.

Чжу Цзяньцин посмотрел на Сун Юя.

— О чём ты хочешь поговорить?

— Можно поговорить наедине? — спросил Сяо Кань.

— Конечно, — ответил Чжу Цзяньцин.

Сун Юй не стал задерживаться.

— Старший брат Чжу, я пойду.

Чжу Цзяньцин подумал.

— Хорошо, я потом вернусь с Цзинъюнем.

После ухода Сун Юя Чжу Цзяньцин спросил Сяо Каня, что случилось, и тот запинаясь ответил:

— Ничего, просто в некоторых текстах есть непонятные моменты.

— Только это? А Чунцзинь? — Чжу Цзяньцин был немного подозрителен.

— Учитель сейчас очень занят и редко занимается мной...

Чжу Цзяньцин кивнул.

— В таком случае, я здесь на несколько дней, можешь спрашивать меня.

— Тогда спасибо, дядя Чжу.

После этого Сяо Кань несколько дней следовал за Чжу Цзяньцином, то спрашивая о текстах, то о технике меча.

Чжу Цзяньцин, видя его усердие и серьёзность, готов был передать ему все свои знания. За эти дни Сяо Кань и Чжу Цзяньцин больше походили на учителя и ученика, чем Сун Юй и Сяо Кань.

Сегодня Сун Юй был свободен и сидел с Чжу Цзяньцином во дворе, пил чай.

Они недолго разговаривали, когда снова появился Сяо Кань.

— Цзинъюнь, что случилось? — спросил Чжу Цзяньцин.

Сяо Кань даже не взглянул на Сун Юя, сразу взяв Чжу Цзяньцина за руку.

— Дядя Чжу, ты же обещал сегодня поехать со мной на вершину Южной горы, чтобы посоревноваться. Это всё ещё в силе?

<http://bllate.org/book/16311/1471529>